

*БАРАНОВА Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики французского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Автор 38 научных публикаций, в т. ч. 9 учебных пособий**

ИДЕНТИЧНОСТЬ, ПАМЯТЬ И «МЕСТА ПАМЯТИ» В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРОЗЕ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Первая мировая война – важнейший элемент коллективной исторической памяти французов и особая тема в национальной литературе. В данной статье на материале романов «Поля чести» Ж. Руо, «Долгая помолвка» С. Жапризо и «До свиданья там, наверху» П. Леметра выявляются некоторые особенности новой французской прозы о «Великой войне», отличающие ее от классической «окопной прозы». В центре повествования находится не сама война, а обусловленный ею кризис идентичности, преодоление которого и составляет основной сюжет рассматриваемых произведений. Мотив «потери лица» реализуется как на физическом уровне (изменение внешнего облика), так и на личностном (утрата имени, памяти, критического мышления), причем разрушение идентичности продолжается даже после смерти героев. Этот мотив во всех произведениях неразрывно связан с мотивом памяти. Память близких – единственный способ реконструкции утраченной идентичности или обретения новой. Новый герой, формирующий событийный центр романов, – страдающий и слабый, зачастую дезертир; его главное сражение – не с врагом, а с собственной судьбой. Данная тенденция рассмотрена в контексте общего процесса, описанного историком П. Нора в исследовании «Места памяти». Роль индивидуальной памяти о войне, десакрализация официальных «мест памяти» и внимание к субъективным свидетельствам истории в анализируемых романах связаны, на наш взгляд, с кризисом традиционной национальной идентичности. Современная проза о войне отражает ситуацию, в которой, согласно П. Нора, на смену «истории-памяти» во Франции, начиная с 80-х годов XX века, приходит модель «человек-память» и происходит формирование так называемой вторичной истории.

Ключевые слова: Первая мировая война, новая французская проза, Ж. Руо, С. Жапризо, П. Леметр, кризис идентичности, мотив «потери лица», мотив памяти.

*Адрес: 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31, корп. 1; e-mail: letterale@yandex.ru

Для цитирования: Баранова Е.Г. Идентичность, память и «места памяти» в современной французской прозе о Первой мировой войне // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 6. С. 90–96. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.6.90

Первая мировая война – один из основополагающих элементов коллективной исторической памяти французов. Для Франции это Великая война (в отличие от Второй мировой) и даже «нечто большее, чем история»¹ [1, р. 7]. Неудивительно, что и в национальном словесном творчестве она занимает особое место: от «рожденной кровью и грязью» «окопной» литературы до бестселлеров XXI века.

В последние годы всплеск интереса к данной теме во Франции особенно очевиден – за 30 лет издано не менее сотни художественных произведений о «Великой войне»: детская литература и комиксы, семейные, любовные, приключенческие и детективные романы...

Обращение к этой литературе представляется продуктивным по нескольким причинам. В отличие от классических «окопных» романов новейшая проза об одном из самых значимых для французов исторических событий еще не становилась предметом научного интереса. Кроме того, специфика взгляда современных писателей на войну, по нашему мнению, тесно связана с такой актуальной для современного гуманитарного знания проблемой, как кризис национальной идентичности.

В рамках данной статьи мы ставим цель раскрыть некоторые общие тенденции, характерные для современной французской прозы о Великой войне, на материале трех романов, которые снискали наибольшую популярность среди читателей и критиков и по праву могут быть названы вершинами жанра. Это «Поля чести» Жана Руо (Jean Rouaud, «Les Champs d'honneur», 1990), «Долгая помолвка» Себастьяна Жапризо (Sébastien Japrisot, «Un long dimanche de fiançailles», 1991) и «До свиданья там, наверху» Пьера Леметра (Pierre Lemaitre, «Au revoir là-haut», 2013). Два из них (произведения Ж. Руо и П. Леметра) являются лауреатами Гонкуровской премии – самой престижной литературной награды во Франции.

На первый взгляд, эти произведения существенно отличаются по тону и форме повествования.

«Поля чести» – один из лучших примеров жанра, получившего во французской литературной критике название «*récit de filiation*» («повествование о преемственности») [2, р. 12]. Это вид семейного романа, персонажи которого восстанавливают фрагменты семейной истории и через связь с этой историей обретают собственную идентичность. В данном случае, распутывая сложное хитросплетение воспоминаний, коллективный рассказчик (голос автора сплетается с голосами его предков, жизнь которых навсегда изменила война) создает портрет семьи.

В «Долгой помолвке» мастер детектива С. Жапризо не изменяет любимому жанру, но в центре расследования находится не криминальная интрига, а судьба солдата по имени Манеш, убитого при очень странных обстоятельствах. Главная героиня романа, Матильда, отказывается верить в смерть своего жениха и отправляется искать его – среди живых или мертвых.

Роман Пьера Леметра написан в традиции приключенческого романа с элементами черного романа и пикарески. Эдуард и Альберт после демобилизации пытаются найти себя в мирной жизни, где вчерашние герои уже никому не нужны. Единственным способом выжить в новой войне – на этот раз с обществом, выкинувшим их на помойку, – становится грандиозная махинация с некрополями для жертв Великой войны, на обустройство которых государство в патриотическом угаре тратит огромные деньги.

Даже беглого взгляда на сюжет этих произведений достаточно, чтобы заметить первую общую для них черту: отсутствие в центре повествования собственно войны. Действие начинается либо за несколько дней до перемирия, либо в послевоенное время. Со времен А. Барбюса и Л.-Ф. Селина об ужасах кровавой бойни Первой мировой, цитируя авторское обращение на обложке «Полей чести», «все уже сказано и пересказано»². Для современных французских авторов историческое событие становится скорее отправной точкой, а разрушительный характер

¹Здесь и далее цитаты из иноязычных источников даны в авторском переводе.

²Rouaud G. Les Champs d'honneur. Paris, 1990.

этой бойни изображается ими в первую очередь как кризис идентичности, преодолением которого герои заняты на протяжении дальнейшего повествования.

Мотив потери идентичности реализуется как на физическом, так и на личностном уровне. В «Долгой помолвке» Манеш, «искалеченная душа», вначале теряет полруки, а затем, в результате полной амнезии, утрачивает все знание о себе, включая имя. Другой персонаж, Бенуа, вначале почти утративший для окружающих свое имя (все называют его «Тот человек»), чтобы спастись, инсценирует собственную смерть и берет себе чужое имя.

Для героя П. Леметра – Эдуарда – «потеря лица» реализуется также во всех значениях. Осколком снаряда ему сносит нижнюю челюсть, и мы видим «почти пустое лицо, без носа, безо рта, без щек». Отказываясь предстать в таком виде перед отцом, у которого он и до этого вызывал отторжение своей гомосексуальностью и артистическими наклонностями, Эдуард переживает символическую смерть, чтобы «воскреснуть» под другим именем, как и герои Жапризо (этот сюжетный ход весьма распространен в литературе, о которой идет речь).

Смерть родственников, в первую очередь любимого брата, ведет главную героиню «Полей чести» – тетушку Мари – к отказу от ее женской идентичности (любовь, замужество, материнство), а затем – к безумию.

Но кризис идентичности понимается и шире: он настигает всех, кто попадает на войну. Становясь солдатами, люди теряют свое «Я» из мирной жизни, приобретая новую, «военную» идентичность, отмеченную порядковым номером вместо имени. Это, например, подчеркивается в первой главе «Долгой помолвки», где каждый из пяти приговоренных к смерти обозначен номером и только потом назван по имени (и то не всегда, т. к. солдаты обращаются друг к другу, используя придуманные ими прозвища). Когда они возвращаются на побывку или после демобилизации,

близкие могут не узнать их (как, скажем, Эмиля у Ж. Руо).

На поле битвы человек перестает существовать как личность, т. к. знает, что отказ выполнять пусть даже самый бессмысленный и жестокий приказ может привести его под трибунал. Жесткая манипуляция солдатами приводит к полной утрате ими критического мышления: «...[солдаты] пережили столько, что теперь, в самом конце войны, когда погибло столько товарищей, а столько врагов осталось в живых, им уже почти хотелось устроить бойню и покончить с этим раз и навсегда. Они рубанули бы по первому встречному»³.

Потеря идентичности продолжается даже после смерти человека. Во всех упомянутых романах тела одних героев выдаются за тела других, выступают как марионетки, как объекты для различных манипуляций. Эта тема получает необычайно сильное развитие у П. Леметра.

Лейтенант д'Олнэ-Прадель, который поднимал солдат в бессмысленную атаку, чтобы получить повышение, после войны использует тела погибших в грандиозной махинации с организацией военных некрополей. Останки без разбора (путая немцев и французов) эксгумируют, разбирают на части, чтобы засунуть в слишком маленькие (в целях экономии) гробы под чужими именами.

Общей для современной прозы о войне тенденцией является не только кризис идентичности героев, но и способ его преодоления. Как известно, одним из важнейших условий формирования идентичности выступают отношения «Я – Другой»: «Идентичность – это поиск Другого и встреча с Другим» [3]. В анализируемых произведениях особой формой таких отношений оказывается память.

Единственный способ вновь превратить обезличенное «пушечное мясо» в непохожие друг на друга лица отдельных страдающих людей (то, что французы называют «долг памяти» – le «devoir de mémoire») – реконструкция идентичности героев через воспоминания их близких.

³Леметр П. До свиданья там, наверху. СПб., 2015. С. 11.

В романе Ж. Руо это сформулировано при помощи непереводаемой на русский язык игры слов («remonter le temps comme on remonte ce qui est démonté»⁴), в которой обыгрывается двойное значение глагола «remonter» («углубиться в прошлое, чтобы восстановить то, что разрушено»). Этот сложный поиск и составляет основной сюжет современной французской прозы о войне, неслучайно в ней так распространён жанр детектива.

В «Долгой помолвке» Матильда, метафорически воскрешающая своего жениха из мёртвых (не веря похоронке, находит его живым), проводит настоящее расследование. Собирая по кусочкам обрывки воспоминаний и признания множества людей, она постепенно узнаёт, что произошло в тот день, когда пятерых солдат, приговоренных к смерти по обвинению в намеренном нанесении себе увечий, оставили на нейтральной полосе между траншеями, «no man's land».

Как указывает Ж. Короми [4, р. 98], через весь роман проходит мотив памяти как спасительной нити Ариадны, которая выводит героиню, блуждающую в лабиринте прошлого, к Манешу: «Ей оставался лишь наспех соединенный в местах обрыва провод, извивавшийся вдоль всех этих зим <...> Матильда ухватилась за этот провод. Она держит его по-прежнему. Он ведет ее по лабиринту, из которого Манеш так и не сумел выбраться. Если он оборвется, она его свяжет. Она не потеряет надежды. Чем больше времени проходит, тем крепче ее уверенность и упорство. К тому же Матильда – счастливая натура. Она говорит себе, что если эта нить не приведет ее к возлюбленному, тем хуже, но это неважно, она всегда успеет на ней повеситься»⁵.

Метафора памяти как спасительной для героев нити, натянутой между прошлым и будущим, присутствует у многих авторов, пишущих о войне, в т. ч. у Ж. Руо. Рассказчик разматывает

клубок памяти, из которого вытягивает «одну за другой нити, чтобы связать их в единую сеть»⁶. В хаотичном на первый взгляд потоке воспоминаний все нити уводят к Первой мировой и в итоге сплетаются в портреты членов семьи, «двадцатилетних стариков, свидетельства которых могли бы помочь нам пройти с ними дорогой ужаса»⁷, спасая их от забвения и превращая таким образом «поля ужаса» в «поля чести». Воскрешая прошлое в этом автобиографическом романе, автор не только реконструирует идентичность тех, чью жизнь сломала Великая война, но и создает свою собственную, немислимую для него без семейной истории.

Роль, которую в современной Франции писатели отводят индивидуальной памяти о войне, является, на наш взгляд, отражением общего процесса, описанного историком Пьером Нора в фундаментальном исследовании «Места памяти», где обозначен конец «истории-памяти» (официальной истории, скомпрометировавшей себя ложью). На смену ей приходит модель «человек-память» – воспоминания тех, кто раньше был «немым свидетелем» истории и чьи свидетельства сегодня составляют значимый и ценный «след в истории» [5].

В соответствии с этой тенденцией в современной прозе о Первой мировой войне изображается и то, что П. Нора называет «местами памяти», – материальные и нематериальные феномены, в которых воплощена национальная память. Десакрализация официальных «мест памяти» (мемориалы, памятные доски, музеи, исторические центры) получает гротескное воплощение в романе «До свиданья там, наверху», где некрополи и мемориалы памяти жертв войны выступают объектами различных махинаций и средством наживы.

Недоверие и неприязнь характеризуют отношение к этим местам и других авторов. Грандиозные и безликие памятники ничего не говорят

⁴Rouaud G. Op. cit. P. 121.

⁵Жанпузо С. Долгая помолвка. М., 2005. С. 8

⁶Rouaud G. Op. cit. P. 121.

⁷Ibid. P. 156.

о личной трагедии тех, чьи имена высечены на них безразличной рукой: «А год спустя настала очередь Эмиля. Этот год разделил братьев в бесконечном мемориальном списке: Жозеф внесен в колонку погибших в 1916-м, Эмиль – в 1917-м, разбросало их так, что если какой любознательный потомок и заметит две одинаковые фамилии, то подумает: может, родственники, а вот если бы имена стояли рядом, все бы видели их близнецами: два брата, павшие бок о бок, сраженные одной бомбой, соединенные смертью»⁸.

В своих поисках герои обращаются к другим свидетельствам истории: пожелтевшим фотографиям, выцветшим письмам и тетрадам, старым и на первый взгляд ненужным вещам – «бесценным обломкам цивилизации»⁹. В «Полях чести» таким «семейным мемориалом» назван чердак, где дедушка проводит долгие дни, перебирая копившиеся там десятилетиями вещи, «перелопачивая» память и восстанавливая историю своей семьи (ему удастся, например, понять, где нужно искать тело брошенного без погребения Эмиля, найти и достойно похоронить его).

И как история, которая выстраивается на основе субъективных свидетельств и воспоминаний (П. Нора называет ее «вторичной историей» – *histoire au second degré* [5, p. 24]), противопоставлена официальной версии истории, так и идентичность героев новой военной прозы отличается от привычного для читателя XX века портрета солдата из романа о Первой мировой. Персонажам, идущим по «следам памяти» сегодня, безразличны военные подвиги; их интересует страдание маленького человека, его сражение не с врагом, а с судьбой.

Поэтому, отвечая на вопрос о том, кто его любимый персонаж, П. Леметр называет «нежного и трогательного» Альберта, в котором он

«видит множество достоинств»: «Как и многих романистов, меня больше интересуют слабости моих персонажей, а не их сила. У Альберта этих слабостей полно, и именно он больше всего похож на меня или моего соседа по дому» [6]. Писатель проводит параллель и между ситуацией в послевоенной и современной Франции, где многие люди испытывают проблемы с интеграцией и страх перед будущим, и этой общностью объясняет успех своей книги.

Неслучайно и то, что среди персонажей рассмотренных романов совсем нет героев войны, но так много дезертиров (пятеро смертников в «Долгой помолвке»; Альберт и Эдуард, которые в романе Леметра прячутся в траншее, вместо того чтобы рваться в бессмысленную атаку), и любовь Матильды к Манешу, например, несколько не убывает от того, что ее жених был осужден за самострел. В названии романа «До встречи там, наверху» звучат слова из предсмертного письма Жана Бланшара – солдата, расстрелянного по обвинению в дезертирстве и затем реабилитированного.

Отметим, что в последние годы во Франции активно обсуждается вопрос о реабилитации солдат, расстрелянных за дезертирство после массовых бунтов в армии 1917 года [7–10]. Интерес к этой проблематике, как и процесс формирования «вторичной истории», показывает, насколько изменилось за прошедшее столетие восприятие французами Великой войны. Она остается одним из исторических оснований для самоопределения нации, но на первый план выходит «история с человеческим лицом», а не военная история; не блеск побед, а бессмысленная с общечеловеческой точки зрения трагедия миллионов жертв. Эти изменения в национальной идентичности находят отражение в формирующейся в процессе повествования личной идентичности героев.

⁸Rouaud G. Op. cit. P. 165.

⁹Ibid. P. 139.

Список литературы

1. *Offenstadt N.* 14–18 aujourd’hui. La Grande Guerre dans la France contemporaine. Paris, 2010.
2. *Viart D.* Filiations littéraires // *Ecritures contemporaines* 2. Caen, 1999.
3. *Гурин С.* Философия идентичности. URL: <http://www.topos.ru/article/6727> (дата обращения: 10.12.2016).
4. *Körömi G.* Le mythe du labyrinthe dans *Un long dimanche de fiançailles* de Sébastien Japrisot // *Revue d’Études Françaises*. 2007. № 12. P. 97–109.
5. *Nora P.* Entre mémoire et histoire // *Les lieux de mémoire*. Vol. 1. La République. Paris, 1984. P. XV–XLII.
6. *Lacoche P.* Pierre Lemaitre: pas un Goncourt de circonstance // *Courrier Picard*. 2013. 28 nov. URL: <http://blog-picard.fr/dessous-chics/litterature/pierre-lemaitre-pas-un-goncourt-de-circonstance/> (дата обращения: 20.11.2016).
7. *Offenstadt N.* Les fusillés de la Grande Guerre et la mémoire collective (1914–1999). Paris, 1999.
8. *Loez A.* 14-18. Les refus de la guerre: Une histoire des mutins. Paris, 2010.
9. Obéir, désobéir: les mutineries de 1917 en perspectives, C.R.I.D. 14/18. *Comptes-rendus de colloque*. URL: http://www.crid1418.org/espace_scientifique/colloque07/programme.html (дата обращения: 04.08.2016).
10. *Durdon F., Hervé P.* Les fusillés de la Grande Guerre. Paris, 2011. URL: http://www.cndp.fr/fileadmin/user_upload/POUR_MEMOIRE/fusilles/120106_PM-fusilles-grande-guerre.pdf (дата обращения: 16.01.2017).

References

1. *Offenstadt N.* 14-18 aujourd’hui. *La Grande Guerre dans la France contemporaine*. Paris, 2010.
2. *Viart D.* Filiations littéraires. Baetens J., Viart D. (eds.). *Ecritures contemporaines* 2. Caen, 1999.
3. *Gurin S.* *Filosofiya identichnosti* [The Philosophy of Identity]. Available at: <http://www.topos.ru/article/6727> (accessed 10 December 2016).
4. *Körömi G.* Le mythe du labyrinthe dans *Un long dimanche de fiançailles* de Sébastien Japrisot. *Revue d’Études Françaises*, 2007, no. 12, pp. 97–109.
5. *Nora P.* Entre mémoire et histoire. *Les lieux de mémoire*. Vol. 1. *La République*. Paris, 1984, pp. XV–XLII.
6. *Lacoche P.* Pierre Lemaitre: pas un Goncourt de circonstance. *Courrier Picard*, 28 November 2013. Available at: <http://blog-picard.fr/dessous-chics/litterature/pierre-lemaitre-pas-un-goncourt-de-circonstance/> (accessed 20 November 2016).
7. *Offenstadt N.* *Les fusillés de la Grande Guerre et la mémoire collective (1914–1999)*. Paris, 1999.
8. *Loez A.* 14-18. *Les refus de la guerre: Une histoire des mutins*. Paris, 2010.
9. *Obéir/désobéir: les mutineries de 1917 en perspective, C.R.I.D. 14/18. Comptes-rendus de colloque*. Available at: http://www.crid1418.org/espace_scientifique/colloque07/programme.html (accessed 4 August 2016).
10. *Durdon F., Hervé P.* *Les fusillés de la Grande Guerre*. Paris, 2011. Available at: http://www.cndp.fr/fileadmin/user_upload/POUR_MEMOIRE/fusilles/120106_PM-fusilles-grande-guerre.pdf (accessed 16 January 2017).

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.6.90

Elena G. Baranova

Linguistics University of Nizhny Novgorod;
ul. Minina 31, korp. 1, Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation;
e-mail: letterale@yandex.ru

IDENTITY, MEMORY AND THE REALMS OF MEMORY IN CONTEMPORARY FRENCH PROSE ABOUT WORLD WAR I

In France, World War I is a major element of national memory and an important theme in French literature. Taking J. Rouaud’s *Fields of Glory* (*Les Champs d’honneur*), S. Japrisot’s *A Very Long*

For citation: Baranova E.G. Identity, Memory and the Realms of Memory in Contemporary French Prose About World War I. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2017, no. 6, pp. 90–96. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.6.90

Engagement (Un long dimanche de fiançailles) and P. Lemaitre's *A Great Swindle (Au revoir là-haut)* as an example, the paper identifies some features specific of contemporary French prose about the Great War. Unlike the classical trench literature, the narration focuses not on the war itself, but on the destruction of the characters' identity and on the memory as the only way to reconstruct it. One can lose his identity both on the physical (body changes) and on the personal (loss of name, memory and critical thinking) levels. Not even death can stop this loss of identity. In all three novels, this motif is closely associated with the motif of memory. The characters' lost identity can only be regained if they are remembered by their families. The new hero of contemporary war novels is typically a weak and suffering person, often a deserter, whose main battle is not with the enemy, but with his own destiny. This trend is considered to be part of the general process described in P. Nora's *Realms of Memory*. The importance of the individual memory of war, official realms of memory desacralized and subjective testimonies rated more and more highly – all these characteristics of contemporary World War I narratives are attributes of the French national identity crisis. The novels under study reflect the actual situation in which, according to P. Nora, memory-history is replaced by man-history and secondary memory is generated.

Keywords: *World War I, contemporary French prose, J. Rouaud, S. Japrisot, P. Lemaitre, identity crisis, loss of identity motif, memory motif.*

Поступила: 18.01.2017
Received: 18 January 2017